Р 510 965

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

ДЕВЯТИ ПРОСВѢЩЕННЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ

съ одичалыми нѣмцами, мадьярами и турками.

По наущенью Сатаны,
Вильгельмъ, Германскій Императоръ,
Любитель ужасовъ войны
И звѣрствъ жестокій операторъ,

Возмнилъ царемъ всемірнымъ быть
Во всѣхъ странахъ Земнаго Шара
И, съ этой цѣлью, истребить
Славянство въ Сербіи, сначала,

Потомъ и прочихъ всѣхъ славянъ,
Живущихъ мирно на Балканахъ,
Всѣхъ Православныхъ христіанъ,
И ихъ святыни въ Божьихъ храмахъ,

За тѣмъ Россію покорить,
Напасть внезапно на Французовъ
И даже Англію разбить,
Съ ея могучимъ флотомъ грузовъ,

И постепенно такъ забрать
Подъ власть свою всѣ царства міра,
Чтобъ ихъ владыкой общимъ стать.
Съ такой мечтою властелина,

Онъ цѣлыхъ двадцать восемь лѣтъ
Правленья Пруссіей Нѣмецкой,
Въ которой царствовалъ и Дѣдъ,
Извѣстный всѣмъ побѣдой вѣской,—

Зѣло готовился къ войнѣ:
Надѣлалъ пушекъ, ружей горы
И, разъѣзжая по странѣ
Германскихъ царствъ, велъ разговоры

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

834199

Все о величіи своемъ,
Да о могуществѣ нѣмецкомъ;
И кой—кому онъ соловьемъ
Казался этимъ тономъ звѣрскимъ;

Но люди съ разумомъ большимъ,
Въ своемъ смущеніи немаломъ
(Которымъ также я грѣшилъ),
Считали лишь смертельнымъ жаломъ

Языкъ Вильгельма—болтуна,
Съ тревогой въ сердцѣ ужь предвидя,
Что неизбѣжна съ нимъ война
Всего Славянства, въ грозномъ видѣ.

Межь тѣмъ, Возлюбленный нашъ Царь,
Въ миролюбивомъ настроеньи,
Монархамъ прочимъ подсказалъ—
Издать всеобщее рѣшенье,

Что, въ избѣжаніе войны,
Державы суть своихъ претензій
И препирательства должны
Передавать на судъ третейскій,

Международный общій судъ.
И всѣ державы согласились
Вступить на этотъ мирный путь;
Одни лишь Нѣмцы уклонились

Согласье это подписать,
На Конференціи въ Гаагѣ,
Боясь тогда себя связать
Симъ протоколомъ на бумагѣ.

А послѣ этого Вильгельмъ,
Повсюду въ царства разсылая
Своихъ шпіоновъ—гнусныхъ шельмъ
И ихъ рессурсами снабжая,

Швецов, Г.М. Великая война —

Вездѣ старался міръ мутить
И разнымъ способомъ коварнымъ
Всѣмъ мѣстнымъ жителямъ вредить
Своимъ нахальствомъ кровожаднымъ.

Для покоренья же всѣхъ царствъ,
Безумный, дерзкій властолюбецъ,
Сверхъ всѣхъ Германскихъ государствъ,
Какъ хищный звѣрь—корыстолюбецъ,

Себѣ коварно подчинилъ
Австро-Венгерскаго монарха
И ловко въ сѣти заманилъ
Сего безвольнаго ужь старца;

За тѣмъ немедленно ему
Внушилъ онъ мысль—напасть на Сербовъ
И объявить имъ вдругъ войну,
Чтобъ уничтожить ихъ, во первыхъ.

Тогда нашъ Добрый Государь,
Разбоемъ этимъ возмущенный,
Лишь двои сутки сроку далъ
Безумцу Францу, чтобъ лишенный

Разсудка здраваго Монархъ
Остановилъ походъ безумный,
И тотъ, почувствовавъ свой страхъ,
Какъ престарѣлый и недужный,

Уже въ раздумье—было впалъ;
Но, въ сей моментъ, Разбойникъ—кайзеръ,
Осатанѣвшій звѣрь—нахалъ,
Въ себѣ такую алчность развилъ,

Что дерзновенно объявилъ
Царю Державному Россіи,
Чтобъ Царь немедля отмѣнилъ
Собранье нашей грозной силы.

А нашъ Великій Государь,
Въ отвѣтъ нахальному Вильгельму,
Приказъ войскамъ поспѣшно далъ—
Идти тотчасъ на встрѣчу стерву...

Въ сей историческій моментъ,
Такой же далъ приказъ военный
Войскамъ Французскій Президентъ.
Увидя то, Вильгельмъ мгновенно

Съ войсками въ Бельгію вступилъ,
Безъ разрѣшенья Государя,
Какъ кровожадный крокодилъ,
Напасть на Францію желая

Черезъ нейтральную страну.
Тогда Король Бельгійскій Альбертъ
Вступилъ въ неравную борьбу
Съ нахальнымъ Кайзеромъ,—какъ знаетъ

О семъ событіи весь міръ;
И—это маленькое царство
Вильгельмъ, конечно, разгромилъ;
А Францъ въ другое государство

Поспѣшно ввелъ свои войска;
Онъ вторгся въ Сербію, сначала,
Не объявивъ войны, пока,
Россіи нашей, какъ стращала

Войной Германія тогда.
Межь тѣмъ, за Сербію вступился
Непобѣжденный никогда
Родной Король, и—ополчился

На швабовъ съ венграми герой,
Отважный Рыцарь Черногорскій.
Вступивъ же въ сей неравный бой,
Съ своею маленькою горстью

Безстрашныхъ горныхъ храбрецовъ,
Король былъ вынужденъ изъ царства,—
Для избавленія борцовъ
Отъ плѣна, всякаго мытарства,—

Предъ силой нѣмцевъ отступить;
И Сербы тоже отступили,
Чтобъ снова въ бой потомъ вступить.
Какъ оба царства порѣшили;

И такъ совмѣстно отступивъ,
Всѣ силы Сербовъ—Черногорцевъ,
Черезъ одинъ морской проливъ,
Вошли сперва на ближній островъ,

Гдѣ, угостивъ героевъ тѣхъ,
Французы щедро надѣлили
Одеждой лучшею ихъ всѣхъ,
А также ружьями снабдили;

За этимъ, вновь сформировавъ,
Ихъ проводили въ Салонники.
Австрійцы-жъ, Сербію занявъ,
Въ Бѣлградъ—столицу ихъ проникли

И въ Цетинье потомъ вошли,
Забравъ все царство Черногорцевъ
И все, что тамъ они нашли
Въ дворцахъ, домахъ и у торговцевъ.

Такимъ же точно грабежомъ
Они и Сербовъ обобрали
И, угражая имъ ружьемъ,
Ихъ на работы отправляли—

На фронтахъ всѣхъ окопы рыть;
А непокорныхъ разстрѣляли,
Заставивъ семьи горько выть,
И безпощадно истребляли

Не только взрослыхъ, но дѣтей,
Причемъ насиловали женщинъ,
Въ глазхъ родителей, мужей,—
Подъ руководствомъ сумасшедшихъ

Австрійскихъ властныхъ палачей,
Интеллигентныхъ офицеровъ,
Или чиновныхъ торгашей
Изъ нѣмцевъ, швабовъ и венгеровъ,

Тирановъ, мучившихъ Славянъ,—
Презрѣвшихъ всѣ законы свѣта,
Забывшихъ Бога христіанъ,
Всѣ идеалы человѣка.

Въ чередъ свой, также и Вильгельмъ
Напалъ поспѣшно на Россію
И натворилъ преступныхъ дѣлъ,
Подъ направленьемъ адской силы,

Уже громадное число,
При описаніи которыхъ,
Увидя гнусность ихъ и зло
Для человѣчества, историкъ,

Въ нервозномъ ужасѣ, вздрогнетъ
И, безъ сомнѣнія, проклятье
Умомъ Вильгельму онъ пошлетъ,
Всѣхъ командировъ, безъ изъятья,

Въ своей скрижали заклеймитъ,
За пытки ихъ, безчеловѣчье,
Позорной кличкою убійцъ,
Безъ снисхожденія, на—вѣчно.

А я, поэтъ, изъ всѣхъ злодѣйствъ,
Войсками Кайзера свершонныхъ
Впишу хоть часть, на память, здѣсь,
Для всѣхъ разсудка нелишонныхъ

И добродѣтельныхъ людей.
Начну съ того, что Повелитель
Нѣмецкихъ силъ, Вильгельмъ—злодѣй,
Забывъ, что Царь—Освободитель,

Великій Русскій нащъ Монархъ,
Назадъ тому уже полвѣка,
Къ своему ужасу, узнавъ,
Что, для терзанья человѣка,

Какой—то нѣмецъ—звѣрь—тиранъ
Придумалъ пули разрывныя,—
Чтобъ дѣлать въ тѣлѣ больше ранъ,—
Отвергъ тѣ пули боевыя,

Предложивъ это прочимъ всѣмъ
Царящимъ въ мірѣ государямъ,
И всѣ манархи царствъ, за тѣмъ,
Еще тогда съ Вильгельмомъ старымъ,

Разумнымъ Прусскимъ Королемъ,
На конференціи рѣшили:
Тѣхъ пуль ни пушкой, ни ружьемъ,
Во всѣхъ странахъ, отъ коихъ были

Послы державъ,—не выпускать,
Чтобъ жизнь защитниковъ народныхъ,
На весь ихъ вѣкъ, не отравлять.
Но этихъ правилъ благородныхъ

Не удержалъ въ своей душѣ
Преступный Кайзеръ, внукъ Вильгельма,
Презрѣвъ законы свѣта всѣ,
Какъ изворотливая шельма,

И разрѣшилъ своимъ войскамъ:
Не только пули разрывныя,
Но газъ вонючій, гнусный срамъ,
Во всѣ отряды боевые,

Для отравленія, пускать;
А этой гнусностью заставилъ
Своихъ противниковъ искать,
Въ разрѣзъ гуманныхъ строгихъ правилъ,

Подобно нѣмцамъ, средствъ такихъ,
Чтобъ газы быстро обезсилить
И обратить на нихъ самихъ,
Или на звѣря ядъ весь вылить,

Противоядье изобрѣсть...
И кромѣ сказанныхъ, ужасныхъ,
Своихъ преступнѣйшихъ злодѣйствъ,
Неронъ Германскій много страшныхъ

Другихъ дѣяній допустилъ:
Его солдаты, Командиры,
Забывши свой культурный стиль,
Какъ палачи и дебоширы,

Терзали всѣхъ попавшихъ въ плѣнъ
Различнымъ способомъ преступнымъ,
Такъ, ставя ихъ подъ рядъ у стѣнъ,
Давали залпъ по цѣлымъ группамъ—

Числомъ до тысячи людей,
Или у многихъ, въ одиночку,
Нѣмецкій извергъ—звѣрь—злодѣй
Рубилъ носы и уха мочку,

Или напрочь ужь отрубалъ
Языкъ и ухо, носъ и пальцы,
Или нахально вырѣзалъ
Ремни изъ спинъ, изъ ногъ „лампасы“...

А милосердія сестеръ,
Попавшихъ въ плѣнъ, свирѣпый нѣмецъ,
Какъ сладострастный песъ—сетёръ,
Со злобой адскою остервясь,

Ужасной гнусностью терзалъ.
Не лучше также обходился
Завоевательный нахалъ,—
Куда бы онъ ни появился,

Куда бы съ войскомъ ни вступилъ,—
И съ безоружнымъ населеньемъ:
Вездѣ, какъ жадный крокодилъ,
Овладѣвалъ онъ всѣмъ имѣньемъ

Всѣхъ мирныхъ жителей—сельчанъ,
Запасъ послѣдній отнимая;
А если кто изъ нихъ серчалъ,
То, нуждамъ, просьбамъ не внимая,

Тотчасъ-же въ каждаго стрѣлялъ,
Или въ работу, подъ конвоемъ,
Безъ снисхожденья, отправлялъ,
Хотя бы тотъ семейнымъ роемъ

Былъ въ томъ же мѣстѣ окруженъ;
И намъ извѣстенъ даже случай,
Которымъ міръ былъ пораженъ:
Одинъ тевтонскій змѣй гремучій

Забралъ несчастнаго отца
Большой семьи, а сынъ—малютка,
Не видя нѣмца—подлеца,
При сей разлукѣ тяжкой, жуткой,

Вцѣпился въ шею батька такъ,
Что долго съ нимъ неразставался;
Тогда свирѣпый звѣрь—пруссакъ,
Безбожный извергъ догадался

Малюткѣ п а л ь ц ы о т р у б и т ь...
„Ну, какъ такихъ проклятыхъ нѣмцевъ
„Намъ безпощадно не рубить!
„А тѣхъ изъ русскихъ раболѣпцевъ,

„Которымъ гнусный нѣмецъ—звѣрь
„Донынѣ кажется „л ю б е з н ы м ъ“,
„И даже кое-кто теперь
„Считаютъ все еще „п о л е з н ы м ъ“

„Такого звѣря, мы должны
„Сказать открыто, безъ боязни,
„Что самъ поклонникъ Сатаны—
„Король Вильгельмъ достоинъ казни,

„И всѣ войска его и флотъ
„Громить надлежитъ безпощадно“.
Такъ мыслю я, поэтъ... И, вотъ,
Ужь видѣть мнѣ теперь отрадно,

Что къ нашей рыцарской борьбѣ,
Въ защиту Сербовъ и Бельгійцевъ,
Примкнули вновь державы двѣ
И ополчилась на Австрійцевъ

Ея союзница одна,
Потомъ примкнули Португальцы.—
Въ союзъ Вильгельма—болтуна
Вошли лишь Турки, да поганцы:

Разбойникъ—нѣмецъ Фердинандъ,
Болгарскій Князь, измѣнникъ подлый,
Предавшій нѣмцамъ, на распадъ,
Народъ его, Славянству сродный,

И Фердинанда же лакей,
Предатель гнусный Радославовъ,
Съ преступной шайкою своей,
Враги Евангельскихъ уставовъ;

И эти гнусы—гады всѣ,
И наипаче Радославовъ,
Съ Іудой—Княземъ во главѣ,
Вполнѣ достойны „п е р е к л а д о в ъ“,

Какъ мыслитъ Русскій весь народъ,
Уже не мало крови лившій
За весь славянъ Болканскихъ родъ
И всѣхъ Болгаръ освободившій

Изъ—подъ турецкаго ярма;
А нынѣ эти же болгары,
Какъ бы сошедшіе съ—ума,
Войскамъ Россіи „роютъ ямы“,

Вступивши съ Турками въ союзъ.
Хотя въ такое вѣроломство
Вовлекъ ихъ сказанный ужь гнусъ;
А все же видѣть намъ несносно

Спасенныхъ нами же людей
Въ рядахъ, враждебныхъ намъ, турецкихъ,
Ихъ прежнихъ деспотовъ—звѣрей,
Или же въ арміяхъ нѣмецкихъ.

Не мало также мы скорбимъ
О колебаніяхъ нейтральныхъ
Родныхъ намъ Грековъ и Румынъ;
Но отъ упрековъ имъ, моральныхъ,

Пока воздержимся теперь...
Быть можетъ, нашъ Союзъ великій,
Безъ ощутительныхъ потерь
Отъ всѣхъ преградъ, съ ордою дикой

Вполнѣ расправится одинъ,
Безъ всякой помощи отъ грековъ
И безъ участія румынъ.
Мы терпѣливо ждемъ успѣховъ

Въ кровопролитнѣйшей борьбѣ
Носокрушимаго Союза,
Со всей покорностью Судьбѣ,
И мнѣ подсказываетъ Муза,

Что близокъ нашъ побѣдный часъ,
И, если будемъ мы молиться,—
Какъ слово Божье учитъ насъ,—
Предъ тѣмъ—какъ надо намъ сразиться

Съ врагомъ,—Всевышнему Творцу,
То нашъ Создатель Милосердный,
Услышавъ съ Неба ту мольбу
И вопль во храмахъ всеусердный,

Святую помощь явитъ намъ,
Его всѣмъ людямъ православнымъ,
Россіи вѣрнымъ всѣмъ сынамъ,
И нашимъ всѣмъ друзьямъ державнымъ,

Вошедшимъ въ сильный нашъ Союзъ.
Съ такою пламенною вѣрой,
Откинувъ трусость, горе—грусть,
Съ надеждой крѣпкою, безмѣрной,

Нашъ Русскій Чудо—Богатырь,
Съ Благочестивѣйшимъ Монархомъ,
Подъ царскимъ скипетромъ златымъ,
Наполнивъ сердце Божьимъ страхомъ,

Съ крестомъ Господнимъ на груди,
Идетъ въ походъ крестовый, новый,
Въ отрядѣ войска, впереди
И сложить жизнь свою готовый—

За Вѣру, Родину, Царя
И за всемірную свободу.
Такъ, вотъ, ужь ясно вижу я,
Поэтъ, что Русскому народу

И всѣмъ союзникамъ его
Не много времени осталось
До дня отраднаго того,
Когда забудемъ мы усталость

Отъ бѣдствій тягостныхъ войны,
Когда войдемъ въ Берлинъ и Вѣну,
И всѣ союзники и мы
Одержимъ славную побѣду

Надъ всѣми силами враговъ,
За тѣмъ возьмемъ Царь—градъ великій,
Держимый нѣсколько вѣковъ
Въ когтяхъ орды Турецкой дикой,

И, наконецъ, освободимъ
Отъ нѣмцевъ—турокъ градъ священный,
Голгофскій—Іерусалимъ.
Да увѣнчаетъ совершенно

Побѣдой этой нашъ Господь,
Къ народной радости всеобщей,
Крестовый—новый нашъ походъ.
Тогда Историкъ, въ книгѣ Кормчей,

Особой хартіей своей,
Запишетъ буквами златыми
Союзныхъ нынѣшнихъ царей
И назоветъ ихъ всѣхъ святыми,

Съ Монархомъ нашимъ во главѣ,
Великій нашъ Союзъ Создавшимъ,
А всѣмъ участникамъ въ войнѣ,
На полѣ брани славно павшимъ,

Поэтъ лирическій вѣнокъ
Сплететъ созвучнымъ словомъ сильнымъ;
Кого же спасъ во брани Богъ,
Тѣхъ награжденіемъ обильнымъ

Должны народы всѣ почтить;
Монархи всѣхъ героевъ славныхъ
Съумѣютъ щедро наградить
И отличить достойныхъ, главныхъ.

А искалѣченныхъ людей
Довлѣетъ намъ питать до смерти
И всѣхъ ихъ маленькихъ дѣтей,
Во все ихъ время малолѣтья,

Кормить до сыта и учить,
По государственной раскладкѣ,
Да всѣмъ учащимся внушить,
Чтобъ и они свои достатки

Несли усердно на алтарь,
Когда ихъ очередь настанетъ
И вновь какой нибудь нахалъ—
Чужой народъ—на Русь возстанетъ.

* * *

Изъ всѣхъ ужаснѣйшихъ злодѣйствъ,
Вильгельмомъ—звѣремъ учиненныхъ,
И всѣхъ преступныхъ, гнусныхъ звѣрствъ
Его коварству подчиненныхъ

Другихъ безумныхъ королей:
Австрійца Франца и Султана,
И друга этихъ трехъ звѣрей—
Болгаръ Іуды Фердинанда,—

Коснулся выше я лишь тѣхъ,
Что сими хищными звѣрями
Совершены въ войскахъ ихъ всѣхъ
Надъ милосердія сестрами

И надъ плѣненными людьми
Изъ войскъ и нашихъ, и союзныхъ,
Лишь на поверхности земли,—
Не исключая и недужныхъ,

Или израненныхъ людей,
Которыхъ нѣмцы добивали
Ружьемъ иль шашкою своей,
Или еще живыхъ сжигали.

Не лучше этого они
Творили также въ океанахъ,
Въ теченьи нынѣшней войны.
Въ примѣръ о звѣрствахъ окаянныхъ,

Намъ стоитъ только кратко здѣсь
Лишь „Л у з и т а н і ю“ напомнить;
А чтобъ постигнуть ужасъ весь
Морской бѣды, довольно вспомнить

Намъ „П о р т у г а л і ю“ свою,
Съ погибшимъ въ морѣ лазаретомъ,
Гдѣ нѣмцы—турки гнусность всю
Открыли намъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.

А сколько мирныхъ всѣхъ людей
Они съ ехидствомъ потопили
И сколько женщинъ и дѣтей
На дно морское погрузили—

Числа всѣхъ жертвъ не перечесть!
Такъ, я до дней другихъ отложу
Подсчетъ Вильгельма всѣхъ злодѣйствъ.
Ему же здѣсь вопросъ предложу:

Ты мира просишь, негодяй!
Какой же миръ съ тобой возможенъ?
Вѣдь, ты же самъ, какъ разгильдяй,
Еще не вынувъ ножъ изъ ноженъ,

Чтобъ рѣзать имъ живущій міръ,
Кричалъ, что м и р н ы е т р а к т а т ы—
„Клочки бумаги“ лишь, и имъ
Такіе-жъ звѣри—супостаты,

Твои совѣтники, даютъ
Не больше этой же оцѣнки...
Такъ, разсуди, коварный плутъ—
Что будетъ значить миръ твой нѣкій,

Хотя-бъ скрѣпленный оберучь
Тобой или твоимъ министромъ?
Вѣдь, вы, какъ вамъ надежды лучь
Въ башку заглянетъ, маршемъ быстрымъ

Тотчасъ объявите войну
Кому угодно изъ сосѣдей
И палачей своихъ волну,
Для достиженья вашихъ бредней,

Опять вы двинете въ походъ,
Для лютыхъ звѣрствъ, по всей вселенной,
Губить трудящійся народъ,
По вашей мысли вожделѣнной,

Чтобъ власть надъ міромъ захватить.
Нѣтъ, прежде нѣмцевъ всѣхъ и турокъ
Союзъ нашъ долженъ сокрушить,
И миръ, безъ Кайзеровыхъ шутокъ,

Онъ заключитъ уже тогда,
Когда отниметъ ружья, пушки,
И, для безвреднаго труда,
Враговъ загонитъ въ ихъ избушки,

Да войско грозное введетъ
Въ Царьградъ, Берлинъ, Софію, Вѣну,
А ихъ монарховъ разошлетъ
Изъ царствъ ихъ вонъ, и имъ на смѣну

Поставитъ мирныхъ королей,
Чтобъ всѣхъ воинственныхъ не въ—мѣру,
Подобныхъ Кайзеру царей,
Поправшихъ въ Божью Силу вѣру,

Законамъ свѣта подчинить,
Отбить у каждаго охоту—
Людей мильонами губить,
Или приказывать ихъ флоту—

Топить и женщинъ и дѣтей,
Всѣхъ путешественниковъ мирныхъ,
Средь океановъ и морей
И судоходныхъ рѣкъ обильныхъ.

Такъ смѣю думать я, поэтъ,
На томъ логичномъ основаньи,
Что о злодѣйствахъ тѣхъ весь свѣтъ,
Вездѣ, въ своемъ негодованьи,

Уже безъ умолку кричитъ;
А мудрость Дѣдушки Крылова
Намъ недвусмысленно гласитъ
О всякомъ мирѣ два—три слова:

Отнюдь „не дѣлать мировой"
„Съ волками" (дикими, конечно),
Не „снявши шкуры съ нихъ долой",
Такой совѣтъ намъ данъ на—вѣчно.

За тѣмъ, мнѣ хочется сказать,
Что я такое-жъ основанье
Имѣлъ—звѣрями обозвать
Вильгельма съ Францемъ и названье

Іуды—Другу ихъ придать,
Къ звѣрямъ причислить и Султана
И кличку эту также дать
Псу Радославову, для сана.

Вѣдь, и Креститель Іоаннъ,
Въ своей оцѣнкѣ іудеевъ,
Къ нимъ вразумительно взывалъ,
Для обличенья фарисеевъ,—

Какъ написалъ Евангелистъ:
Вы—*„порожденія ехидны"!* (*)
Такъ, вотъ, и я въ стиховный листъ,
По смыслу—вовсе необидный,

(*) Евангеліе Матѳея, гл. 3, ст. 7.

По простотѣ своей души,
Названья кое-гдѣ намѣтилъ
И, бывъ взволнованнымъ въ тиши,
О звѣрствахъ нѣмцамъ всѣмъ замѣтилъ.

Восьмидесятилѣтній старецъ Г. М. Швецовъ.

Авторъ „Книги жизни Русскаго народа и его Монарховъ".

P. S. Означенная подъ моею подписью „Книга жизни" пожертвована мною Всероссійскому Попечительству объ охранѣ материнства и младенчества, для вѣковѣчнаго изданія въ пользу этого высокаго благотворительнаго учрежденія. Въ нее вошли отдѣльными частями нижеслѣдующія мои лирическія произведенія:

1) Вѣнокъ Царю—Великомученику, выдержавшій девять массивныхъ изданій.

2) Вѣчная слава Царю—Освободителю.

3) Великое Чудо спасенія Царя и Царскаго Семейства 17 октября 1888 года.

4) Вѣнокъ Монарху—Миротворцу.

5) Великій подвигъ Монаршаго милосердія.

6) Св. Мученикъ Трифонъ. Полное жизнеописаніе въ стихахъ этого великаго и особенно чтимаго Москвичами Страдальца за христіанскую вѣру.

7) Поэма подъ девизомъ—„Найденный рай".

8) Аллегорическія басни:

а) Бѣлый Орелъ и Британскій Китъ (напечатана назадъ тому тридцать лѣтъ и безплатно разослана въ войска Петроградскаго Военнаго Округа).

б) Великій Союзъ Златоглаваго Орла съ Морскимъ Китомъ и Косматымъ Львомъ (написана за три года до нынѣшней войны).

Обѣ эти басни представляютъ собою удачное предсказаніе автора объ осуществившемся нынѣ дѣйствительно великомъ, несокрушимомъ Союзѣ Россіи съ Англіею и Франціею.

в) Нѣсколько другихъ бытовыхъ басень на разныя темы.

9) Исторія Россійскаго государства, отъ его основанія до позднѣйшихъ дней, всецѣло изложенная стихами, съ ритмическимъ же очеркомъ происходившихъ въ Костромѣ и Москвѣ юбилейныхъ празднествъ трехсотлѣтняго царствованія Благословеннаго Дома Романовыхъ, на которыхъ авторъ присутствовалъ самолично.

и 10) Болѣе двадцати мелкихъ стихотвореній, написанныхъ въ религіозно-патріотическомъ духѣ.

Предназначая настоящую стиховную повѣсть къ изданію въ исключительную пользу раненыхъ на полѣ брани Чудо—богатырей Русскаго Христолюбиваго воинства и, съ этою цѣлью, отпечатавъ на собственныя средства небольшое число экземпляровъ, я предоставляю всѣмъ узаконеннымъ благотворительнымъ учрежденіямъ безпрепятственно печатать эту повѣсть, съ тою же цѣлью, и распространять ее—вмѣсто выдаваемыхъ при сборахъ металлическихъ и бумажныхъ этикетокъ, отсылая выручку за изданіе въ упомянутое мною Всероссійское Попечительство объ охранѣ материнства и младенчества; о количествѣ же отпечатанныхъ экземпляровъ и отосланныхъ въ Попечительство денежныхъ суммахъ благотворительныя учрежденія не оставятъ почтить автора коротенькимъ сообщеніемъ по адресу: Петроградъ, 9-я Рождественская улица, домъ № 38/20, квартира № 15.

„*Туне пріясте, туне дадите*“ (Еванг. Матѳея, гл. 10, ст. 8). Такъ заповѣдалъ Спаситель міра Христосъ Своимъ Апостоламъ, разсылая ихъ по всей вселенной для проповѣди Слова Истины. Повинуясь этому божественному ученію, я не желаю пользоваться ни чьимъ и ни какимъ возмездіемъ за свой писательскій трудъ, хотя бы въ видѣ простой чьей нибудь благодарности; но буду только радоваться сердечно, когда узнаю, что

эта моя повѣсть, содержаніемъ своимъ, принесетъ пользу Русскому народу, а выручка за изданіе хоть малою дозою облегчитъ страданія искалеченныхъ на полѣ брани нашихъ героевъ новой Отечественной войны, сражающихся за Вѣру, Царя и Родину, во исполненіе другаго евангельскаго слова: „*Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*“ (Еванг. Іоанна, гл. 15, ст. 13).

Г. Швецовъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія
Историческая
Библіотека

Петроградъ.
Апрѣль 1916 г.